

2-30 8
2000

Культура. 2000. - 21-30 авг. - с. 9

Последняя ночь Жизели

Взгляд извне

Большой театр в Нью-Йорке ждал с нетерпением, он не был здесь около десяти лет, театралы и критики жаждали увидеть Большого балет. Заголовок до начала гастрольной недели казался Льюисом центральным объявлением на двух языках, английском и русском: все билеты проданы (несмотря на то что цены кусались — до 75 долларов за билет). Люди, на веры глядя, все равно выстраивались в очередь. Но вот наконец наступил день открытия гастрольей. Заверше подлинно начался первый акт «Жизели».

Сергей Филев, красивый и благородный Альберт, выбежал на сцену. Но радостный американский критик Барсия Васильева — путаница! — Васильев упустил роль ласкового героя на очень удачную идулу (Клайв Барнс, «Такие заткни программу», газета «Нью-Йорк Пост»).

Васильева предположил нам новую точку зрения на балет, не разрушая его романтического канона. Это значительное достижение! (Роберт Джонсон, «Большой делает правильные шаги, чтобы восстановить путь славы», газета «Стар Лиджер»).

Я всегда интересовался Владимиром Васильевым для газеты «Русский Вестник», издаваемой в Нью-Йорке. Рассказывавшая о том, какие подробности происходили при подготовке «Жизели», оказалась мне полезнее. Но сам спектакль меня не убедил «Жизели», на мой взгляд, время «уплощено» до полного совершенства. В этом балете не осталось ничего лишнего, необязательного или несомысленного. Судьба, конечно, неопределима к несчастливому или действительному любви Жизели, его убивает ангелы. Но отнесения последнего Иллариона, Жизели и Альберта не балетный треугольник. Последний воюет не еще один, третий герой, он —

антимерой балет «Жизели» — это «драма возмужавшего сердца» Жизели, индига — и Альберта, тут все зависит от исполнителя. Но в то же время Урдуленуэра-роми Иллариона, на мой взгляд, нарушила внутреннюю связь балета, «Тиле» ласкового с крестьянином, особенно в исполнении Александра Петухова, сначала показался мне интересным решением обнулею обмен Альберта, Илларион зарекается пугать, он теперь уверен в своей любви над обреченными Жизели. Но хоробротный предположения В. Васильевым, совершенно не адекватно в хореографическую канону романтичного балета. (В неантимом в исполнении той роли Русланом Прониным вообще непомнят танцы пастора на «Спартак»). Тем более, на мой взгляд, не может Илларион во втором акте делать жеста и большой пируэт. Не может антитезой «летать», не могут у него быть браурные или героические мимолет! Васильев в своих переделках балета выступает как танцовщик, который хочет расширить хореографической текст роли в сторону логиче балета. Так, он удлинит паравоз Альберта в первом акте. Но в первом акте Альберт еще не имеет своего голоса, он еще не осознает своих чувств, это происходит только во втором. Вот короче говоря реакция, обращенная к Жизели, это, если хотите, комплимент (как это танцует, например, Николай Цукоридзе), в лучшем случае надругатель. Когда же в новой редакции Жизели поворачивается спиной к Жизели, отходит в угол сцены и танцует дополнительную вариацию — получается диалектизм на аппликации.

Но, как сказал Клайв Барнс, танцовщик выигрывает даже тем балетом, который сам исполняет, и, как и раньше, восмощает сердца зрителей.

Десять лет назад, когда театр привезал последний раз, его пре-

меры привлекли к разным поколениям. За это время произошла кардинальная смена поколений. Сегодня доминирует роль Нина Анавашвили и ее союзники молодому нам до этого привада незнакомы. Анавашвили сегодня — звезда. Она в расцвете сил, она мастер Клайв Барнс писал: «Мы видели Анавашвили в «Жизели» и раньше, но ее исполнение второго акта в московском спектакле так совершенно, что не может быть лучше фантастичнее». Действительно, второй акт в исполнении Анавашвили, солистка и кордебалет Большого театра — это было волшебное зрелище, я давно не видела такого совершенства ансамбля в целом. Трансформация девочки в виллусу в настоящую актрису — либо инстинктивная, либо продуманной процесс и всегда интеллигент. Эта трансформация, как известно, должна вытекать из первого акта. Серджиу и Жизели — Анавашвили такое добро, что существенно воспринималось скорее жалобой чистой души на то, как с ней несправедливо поступили. Во втором акте она была столь же мила сердцу, хотя уже принадлежала к иному миру — мистическому существу. Но внешнею ощущалось, что ее Жизель не выдлет больше из молчания по повелению Мирты Анавашвили ставила адекватно второго акта как некое таинственное действие, разрушающее мистическое заклетие. Рассказывала Альберта, она смеется и обит от ужаса и превращается в безжалостную мстительницу.

Мария Александрова в роли Мирты была для меня и открытием, и потрясением. Я стала свидетелем великого слияния танцовщицы с образом, которое редко бывает. В этом этой партии, в исполнении великой танцовщицы, нет ни слова, но на «как пук от зятя Уста». Ее прыжок прекратил, но устрашающий красотой. Эта Мирта пугает — прежде всего своей привлекательно-

стью к полустороннему миру, которого не может постигнуть разум человека. Когда Альберт пропавший и ней руку, милое поощряет, а затем заворачивает лицо в страже, это он глядит очень естественно. Я поглядывала на Александровую и тоже ужаснулась. Неподвижное, скульптурное, оно казалось маской, но сквозь эту маску рыцарским глазами смотрела на человека «живыми». За актрису Вова в Америке проносят ей большое будущее. Ей, актрисе, о редком таланте, надо бы специально создавать репертуар. Я слышала, что в концерте Александрова очень интересно исполняла мюзикл Мохамед Бачу из балета Ю Григоричева «Легенда о любви». Я пошла к Алексею Фадееву и спросила, когда Александрова будет танцевать этот балет? «Этот балет больше не будет идти в Большом», — металлическим голосом ответил худрук Большого балета. «Почему?» — «Кому-либо я, тем более что Васильев в интервью называл меня в ряду балетов Григоричева, которые сохраняют в репертуаре театра, и «Легенду о любви». Хотелось бы мне, как в прошлом году ответил Фадееву. Помыслил! Балеты Григоричева поставлены на ярлыки артистов Елги «Легенду о любви» будет танцевать Александрова, Льюиса и Цукоридзе (и я готова прилететь на такой спектакль из Америки), но, несомненно, в Москве найдется достаточно зрителей, чтобы заполнить зал, и не один зал».

Во возвращая к началу нашей «Жизели» Итак, Филев — Альберт, красивый и благородный, вышел на сцену. Но вскоре Альберт исчез и больше не появился. Во втором акте танцевал партнер балерины Сергей Филипп. Это не повлиять восполнить его акт в целом. Я давно заметила, что хореография «Жизели» так совершенна, создатель балета как будто заложил в ней код мистической красоты во

второй акт, так что даже если один из артистов внутренней и роли не будет, этот акт все равно прозвучит адекватно. Вдобавок милое и романтично, и романти в зале жалеть, что у Нины Анавашвили не было в тот день достойного партнера, так как, какими были для нее Андрус Лиега или Алексей Фадеев.

В начале гастрольей Светлана Льюисова подернула ногу, и по следующему дню мы знали, выйдет ли она на сцену. Льюисова стала вала только один раз со своим партнером в «Симфонии Бюсе» Балачинна (Анна Киселюфф в газете «Нью-Йорк Таймс» написала, что она танцует эту часть пухом, чем балерины балетной группы) и решила танцевать и Жизели. И эти два ее выступления (с Николаем Цукоридзе в роли Альберта) буквально покорили весь зрительный зал. «Чудо девочки» — так называлось, заглавие рецензии Барсия. «Триумфальное выступление», — писала Анна Киселюфф.

Действительно, были и чудо, и триумф, и главное — любовь зрителя, которую Льюисова завоевала с первых минут, как в прошлом году на гастрольях Мариинского театра завоевала сердца американцев Диана Вишнева и Светлана Захарова. Конечно, Льюисова еще совсем девочка, первый акт — результат очень тщательной работы с репетиторами (Е. Максимов), что заметно, но «чудо» девочки так впечатляет зрителей, так обворожительна. И несмотря на ее молодость и ее блондированность второй акт логично продолжает первый в несколько неожиданным аспектом. Совершенно можно сказать, что Жизель Льюисова вышла во втором акте той же девочкой, но передвинутой в другой планетой, но это было бы не совсем верно. Она вышла, конечно, той же девочкой, но с совершенноными словами горя на глазах. Жизель Льюисова еще не превратилась в виллусу, она еще полна живыми чув-

ствами, земной любовью к Альберту, но это уже Жизель, возмужавшая страдалица. Льюисова танцевала удивительно как невинную любовную страдалицу, которую у Жизели не было в реальном мире. Самое интересное, что сама танцовщица это понимает. Я спросила ее после спектакля, что она думает о своей Жизели? «Превратилась ли она в виллусу? Нет, не превратилась», — ответила Светлана. «Придете ли вы к Альберту на следующее утро, чтобы потребовать своей черной природной пластичности. Но ведь как интересно на него смотреть!» И недаром с ним работает такой репетитор, как Николай Фадеев, известный своим чувством меры и тактом. Изначально можно уберечь. Вот что делать, когда и убирать то нечего? В Сергей Филеве есть, несомненно, что-то новое, нуно, лишь, например, подтолкнуть его к сознательной, активной творческой работе. Цукоридзе, прозвонив большого впечатлений в партии Солтора (акт «Тени» на Бадарди), Анна Киселюфф назвала его «бонус акт»! И в третьей части «Симфонии Бюсе» Цукоридзе в Александровой в своем, кажется, безбрежном полете уносит с собой свою сцену.

Как русские танцовщицы танцуют балеты Балачинна — тема моих дебатов. Но московское исполнение, кажется, удовлетворительно. Роберт Джонсон не устал от Большого, так это то, что мужчины сегодня менее интересны, чем женщины! (Роберт Джонсон, газета «Стар Лиджер».) Да на кого бы я хотела смотреть сегодня в Большом театре, если бы я нын не было году на гастролью, — говорил он мне, — когда я смотрел этот балет в исполнении артистов Мариинского театра, мне казалось, я видел его впервые. Сейчас это ощущение по-настоящему такое, как танцует в Большом театре. Два дня дует подругой Аннестою Горичеву, которая заменила Льюисову в первой части и тоже имела заслуженный успех.

В 1988 году Нина Анавашвили и Андрус Лиега были первыми — тог-

это то и удивительно для труппы Большого театра, которая всегда славилась дилетантским актерским исполнением. Исполнение — Николай Цукоридзе. Он единственный из всех артистов, выдвинутых мною на летних гастрольях Большого театра в Нью-Йорке и Вашингтоне, кто думает над ролью. Конечно, танцором во втором акте «Жизели» был через край (Анна Киселюфф назвала его чувства черной бурей булимией). Танцевщик иногда злоупотребляет силой редкой природной пластичности. Но ведь как интересно на него смотреть! И недаром с ним работает такой репетитор, как Николай Фадеев, известный своим чувством меры и тактом. Изначально можно уберечь. Вот что делать, когда и убирать то нечего? В Сергей Филеве есть, несомненно, что-то новое, нуно, лишь, например, подтолкнуть его к сознательной, активной творческой работе. Цукоридзе, прозвонив большого впечатлений в партии Солтора (акт «Тени» на Бадарди), Анна Киселюфф назвала его «бонус акт»! И в третьей части «Симфонии Бюсе» Цукоридзе в Александровой в своем, кажется, безбрежном полете уносит с собой свою сцену.

Как русские танцовщицы танцуют балеты Балачинна — тема моих дебатов. Но московское исполнение, кажется, удовлетворительно. Роберт Джонсон не устал от Большого, так это то, что мужчины сегодня менее интересны, чем женщины! (Роберт Джонсон, газета «Стар Лиджер».) Да на кого бы я хотела смотреть сегодня в Большом театре, если бы я нын не было году на гастролью, — говорил он мне, — когда я смотрел этот балет в исполнении артистов Мариинского театра, мне казалось, я видел его впервые. Сейчас это ощущение по-настоящему такое, как танцует в Большом театре. Два дня дует подругой Аннестою Горичеву, которая заменила Льюисову в первой части и тоже имела заслуженный успех.

да еще советскими — артистами, которые приехали на «частные» гастрольи в Америку и танцевали с труппой Балачинна. Тогда Анавашвили впервые исполнила женскую партию во второй части «Симфонии» Третьяков, романтична, она напомнила Одетту, законченную прическу лобовой. Сегодня Анавашвили также танцует законченную прическу. Но это уже скорее прическа Аврора. Халуд, нога от отголосков танца в сочетании с какой-то затеянной легкостью вызывает представление о видении Авроры Пренку в заколдованном лесу. И такое одиночество, такое одиночество. У каждого возраста есть свои преимущества. Большой решил показать свой мужской и женский кордебалет в полную силу, включил в программу сюиты на «Спартак» и «Тени». И мужской кордебалет действительно воплотил мощь хореографического шедевра Григоричева и заслужил те крики «браво», которые неслыхно слышались в зале. «Тени» мужской кордебалет танцевал чисто, но бледно. Нет того мистического сияния, которое возгорается в этой сцене кордебалет Мариинского театра (как будто мы видели не тот же самый кордебалет, который танцевал виллис в «Жизели»), а солистки (исполнительницы вариаций) и вообще слабые, всемогущие, по сравнению со Стелванко.

Итак, мы увидели совершенно новую труппу Большого театра, и труппу высшего уровня. Мы увидели молодых танцовщиц — будущее этого театра. По краткой гастрольи можно только приблизительно судить о потенциальных возможностях компании. Будет новый период жизни Большого театра, так мы слышали, как предсказуемо? Это зависит от многих обстоятельств.

Нина АЛОВЕРТ
Нина Хагг

Алекс. Филев
1 А. Б. Т.